

Стасюлевич Михаил Матвеевич

**Черный передел реформ
императора Александра II**

**Письма из Москвы за границу par
vonté (не по почте)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
М69

М69 **Михаил Матвеевич С.**
Черный передел реформ императора Александра II: Письма из Москвы за границу *par vouté*
(не по почте) / Стасюлевич Михаил Матвеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 88 с.

ISBN 978-5-519-75366-1

ISBN 978-5-519-75366-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

вался ими. Однако мало вѣроятное очень скоро сдѣлалось дѣйствительнымъ; а за тѣмъ послѣдовало совсѣмъ уже невѣроятное, въ глазахъ общества, назначеніе преемника графу Игнатьеву, — и вотъ, авторъ увидѣлъ себя въ необходимости возвратиться къ тѣмъ перваго письма: 30-ое Мая представляло ему новые доводы въ пользу того, что онъ говорилъ почти наканунѣ этого фатальнаго дня, послѣдствія котораго трудно въ настоящее время измѣрить во всемъ ихъ объемѣ.

Печатаемъ первое письмо безъ малѣйшихъ поправокъ, какія было бы легко сдѣлать *post factum*; въ настоящемъ своемъ видѣ оно полнѣе выражаетъ то настроеніе, какое господствовало тогда въ русскомъ обществѣ наканунѣ 30-го мая, и кромѣ того, даетъ оцѣнку послѣдняго министерства внутреннихъ дѣлъ, совершенно независимо отъ того случайнаго обстоятельства, кто именнo явился преемникомъ графу Игнатьеву: назначеніе гр. Д. А. Толстаго все же должно было, по крайней мѣрѣ въ первое время, стѣснять сужденіе тѣхъ, которые прежде думали, что хуже времени графа Игнатьева ничего не можетъ быть.

Соединяемъ оба письма подъ однимъ заглавіемъ, которое, впрочемъ, мы заимствовали изъ словъ самого автора: эпоху, послѣдовавшую за смертью императора Александра II, онъ характеризуетъ, главнымъ образомъ, какъ эпоху „чернаго передѣла реформъ“ предшествующаго царствованія.

Берлинъ, 8 (20) іюля 1882 г.

N.

I.

Москва, 28 Мая (9 Июня) 1882 г.

. . . Вы задаете мнѣ этотъ „проклятый“ вопросъ уже не въ первый разъ: не будутъ ли теперь вѣрнѣе, — спрашиваете вы, — возобновившіеся опять „пріятные“ слухи объ отставкѣ графа Игнатьева? Знаю одно, что въ первый разъ могу вамъ сообщить, — пожалуй, эти слухи возобновились на этотъ разъ не совсѣмъ даромъ. Боюсь даже, что всѣми ожидаемое осуществится такъ скоро, что, чего добраго, телеграфъ обгонитъ мое письмо; я слышалъ, что уже давно одинъ изъ петербургскихъ корреспондентовъ какой-то берлинской газеты условился съ редакціею немедленно дать знать ей по телеграфу о такомъ вождеденномъ событіи, какъ отставка гр. Игнатьева, а во избѣжаніе возможныхъ въ Россіи затрудненій по этой части, — извѣститъ редакцію о наступившей „прекрасной погодѣ“; тамъ поймутъ, въ чемъ дѣло, и Подъ-Липами

будутъ знать, что́ нужно, раньше, чѣмъ на Невскомъ проспектѣ. Такъ, часто и мы, москвичи, узнаемъ изъ петербургскихъ газетъ о томъ, что у насъ дѣлается на Тверской; впрочемъ, по этому спеціальному вопросу вышло бы, я думаю, наоборотъ, и Петербургъ узналъ бы такую колоссальную новость изъ московскихъ газетъ, если бы только „Московскія Вѣдомости“ въ завтрашнемъ номерѣ напечатали то, что онѣ могутъ знать сегодня вечеромъ. Не даромъ въ одной юмористической нѣмецкой газетѣ недавно была помѣщена шутка: князь Болгарскій Александръ, во время послѣдняго посѣщенія имъ Москвы, просить, будто бы, г. Каткова, дать ему для Болгаріи министра внутреннихъ дѣлъ; но почтенный редакторъ вынужденъ былъ отказать князю въ его просьбѣ: онъ ищетъ - молъ для Россіи настоящаго министра внутреннихъ дѣлъ, и никого не можетъ найти! . . . Для шутки это — не дурно; но дѣло не въ томъ: судя по полученнымъ сегодня извѣстіямъ изъ Петербурга, можно — и то только догадываться, что гр. Игнатьевъ дѣйствительно рѣшился подать въ оставку, и кажется, что непременно подастъ, судя по источнику, изъ котораго сообщается извѣстіе. Но вѣдь главный вопросъ не въ этомъ: гр. Игнатьевъ вѣдь не въ пер-

вый разъ рѣшается подать въ отставку; вопросъ, въ томъ: будетъ ли отставка принята? По моему мнѣнію, и этотъ вопросъ во всякомъ случаѣ, праздный и мало любопытный: подастъ ли гр. Игнатьевъ въ отставку, или нѣтъ; будетъ ли она Всемилостивѣйше принята, или точно также Всемилостивѣйше возвращена, — важнѣе гораздо то, что министерство графа Игнатьева, несмотря на всю ловкость своего шефа и опытность, пріобрѣтенную имъ въ Константинополѣ, находится въ настоящее время дѣйствительно въ безвыходномъ положеніи; наши софты, улемы и чорбаджи, которымъ онъ былъ годъ тому назадъ обязанъ своимъ портфелемъ, не уступятъ ни въ чемъ тѣмъ, которыхъ гр. Игнатьевъ имѣлъ случай видѣть въ Константинополѣ. Если онъ желаетъ сохранить до конца за собою репутацію ловкаго человѣка, ему, по правдѣ сказать, и не остается теперь ничего болѣе, какъ постараться также ловко отступить, какъ онъ годъ тому назадъ ловко вступилъ, и при этомъ — конечно, не сжигать кораблей. Никто въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ, не знаетъ, до какой степени наши дѣла запутаны и умы взбудоражены, чему, впрочемъ, и самъ графъ не мало содѣйствовалъ; онъ можетъ потому удалиться спокойно, пов-

тория слова одного сверженнаго византійскаго императора, не доброй памяти, обращенныя къ его преемнику, еще худшей памяти: „Попробуй править лучше меня“. Графъ Игнатъевъ и при болѣе тяжелыхъ для него обстоятельствахъ обращался къ простотѣ и тишинѣ деревенской жизни, — и тѣмъ не менѣе опять пригодился, и при томъ скорѣе, нежели самъ то думалъ. Но я все-таки остаюсь при мысли, что на нашъ вѣкъ хватить гр. Игнатъева; таково, надобно полагать, и его интимное убѣжденіе, — а если это такъ, то я раздѣляю его вполне.

Вы спрашиваете еще, какъ по моему мнѣнію отразится отставка графа Игнатъева на ходъ нашихъ дѣлъ; какихъ надобно ожидать существенныхъ реформъ къ лучшему, съ чего именно начнутъ; кого прочать на его мѣсто, и. т. д. Мнѣ кажется, что вы слишкомъ торопитесь вопросами, и при томъ какъ будто раздѣляете въ душѣ мнѣніе той берлинской газеты, о которой я упомянулъ выше, а именно, что отставка графа Игнатъева есть синонимъ наступленія „schönes Wetter“. У насъ, дѣйствительно, привыкли ожидать всего отъ личныхъ перемѣнъ; это отчасти привычка дворовыхъ людей, гадать — кто будетъ назначенъ бурмистромъ; между тѣмъ, корень добра

и зла заключается всегда въ системѣ. Доказательство справедливости того лежитъ у насъ у всѣхъ передъ глазами; въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, мы имѣли двухъ министровъ внутреннихъ дѣлъ; спрошу васъ: что можетъ быть болѣе діаметрально противоположно, какъ личный характеръ гр. Лорисъ-Меликова и гр. Игнатьева, и тѣмъ не менѣе управленіе ихъ, сравниваемое съ точки зрѣнія результатовъ, мало уже чѣмъ отличается одно отъ другаго; и хорошее, и худое дѣлалось въ пустомъ пространствѣ. Почему же, въ такомъ случаѣ, можетъ быть интересно знать: „кого прочать“ на мѣсто гр. Игнатьева, когда впередъ можно съ увѣренностью сказать, что, не перемѣнивъ системы, мы и черезъ годъ, и черезъ два, будемъ все тамъ же, гдѣ были два года тому назадъ. Мы похожи на больного, который перемѣняетъ врачей, но не хочетъ измѣнить своей діеты. Правда, и при дурной діетѣ хорошій врачъ, а особенно честный, лучше дурнаго, и при томъ шарлатана; лучше онъ уже тѣмъ, что всегда предпочтетъ отказаться отъ кліенты и отъ сопряженнаго съ нею гонора, нежели лечить неразсудительнаго и своеговольнаго больного: по крайней мѣрѣ, тѣмъ онъ можетъ надѣяться когда нибудь образумить паціента; но все же безъ перемѣны діеты,

никакой врачъ окончательно не излѣчитъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ годъ тому назадъ такъ и думалъ, вѣроятно, поступить, какъ поступаютъ честные врачи, когда паціентъ желаетъ возвратить утраченное здоровье и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за собою свободу набивать себѣ желудокъ окрошкой, поросенкомъ подъ хрѣномъ, кулебякой съ визигой, и все это обильно поливать отечественнымъ квасомъ, въ перемѣжку съ шампанскимъ. „Какой это докторъ — часто говаривалъ мой сосѣдъ по дому, московскій купчина, жалуясь на своего Эскулапа, когда вылечить не можетъ; да этакъ, пожалуй, я и безъ него здоровъ буду“ — заключалъ онъ, думая иронизировать надъ врачомъ: „а вотъ сходить въ баню, да попариться, да еще кваску выпить, какъ рукой сниметъ.“ Такъ, въ одно прекрасное утро, мой пріятель и Богу душу отдалъ, сохранивъ вѣру въ силу домашнихъ средствъ, при помощи которыхъ, думалось ему, можно оставаться неограниченнымъ повелителемъ своихъ судебъ, и „плевать“ (любимое его выраженіе) на заморскія выдумки врачей, никуда негодныхъ для русскаго человѣка.

Объ отставкѣ графа Игнатьева, вы знаете, начали у насъ толковать чуть не мѣсяцъ спустя послѣ его назначенія, такъ что явилась

наконецъ мысль, не самъ ли министръ выпускаетъ эти слухи, какъ Наполеонъ III бывало выдумывалъ заговоры противъ себя; сдается мнѣ, что и нынѣшній разъ слухъ объ этой отставкѣ есть не больше, какъ подогрѣтое кушанье. Важнѣе гораздо то, что и независимо отъ вопроса объ отставкѣ, министерство гр. Игнатьева успѣло и въ одинъ годъ обрисоваться съ такою ясностью, и въ тоже время исчерпать, повидимому, свои ресурсы до того, что едва ли оно можетъ пойти дальше; оцѣнить его значеніе вполне возможно уже и теперь.

Я глубоко увѣренъ, что и гр. Лорисъ-Меликовъ, и гр. Игнатьевъ, при всемъ различіи склада ихъ ума и характера, оба, какъ люди не глупые, одинаково должны были понимать, что въ Россіи нельзя быть государственнымъ человѣкомъ, въ общеевропейскомъ смыслѣ этого слова; что ни Кавуръ, ни Биконсфилдъ, ни даже Гизо, или Бисмаркъ, въ Россіи не нашли бы для себя ни почвы подъ ногами, ни неба надъ головой; а потому у насъ ничего и не остается, какъ быть, если можно такъ выразиться, государственнымъ актеромъ, и только казаться государственнымъ человѣкомъ. Различіе между двумя вышеупомянутыми нашими министрами состоитъ только въ

томъ, что одинъ изъ нихъ пошелъ въ „актеры,“ вовсе не имѣя въ виду личныхъ своихъ выгодъ, и если прибѣгалъ къ лицедействію, то съ „благочестивою“ цѣлью принести пользу тому, кому онъ служилъ; а другой — никогда не забывалъ себя и сообразно съ тѣмъ дѣйствовалъ, усердно поддерживая свою слишкомъ извѣстную и вполне заслуженную репутацію. Но оба они, все равно, заключили тѣмъ, что, играя комедію, дошли наконецъ до того, что были обиграны сами; гр. Лорисъ-Меликовъ, видя тщету своей „политики“, внезапно заболѣлъ правдой; но гр. Игнатъевъ едва ли упадетъ въ такую несвойственную ему болѣзнь; какъ въ пословицѣ „іезуитъ,“ онъ можетъ уступить только при одномъ условіи — встрѣтивъ полтора іезуита, что́ вовсе не такъ легко!

Вы можете, конечно, усмотрѣть въ моихъ разсужденіяхъ нѣкоторую попытку — привести отчасти смягчающія обстоятельства въ пользу гр. Игнатъева: если, благодаря нашей системѣ, у насъ неизбѣжно для cadaго государственнаго человѣка, или министра, быть прежде всего актеромъ, то, собственно говоря, грачъ Игнатъевъ ничего не сдѣлалъ такого, чего не дѣлали до него въ той или другой степени, съ тою или иною цѣлью, и другіе; а если онъ